

Олег Сухалера

ДЕТИ
ГРЯДУЩЕЙ
НОЧИ

18+

Олег Сухамера
Дети грядущей ночи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сухамера О.

Дети грядущей ночи / О. Сухамера — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Остросюжетный роман-сага. Семейная история трех братьев, побывавших по разные стороны исторических баррикад. Духовные метания героев, живущих на сломе эпох, формирование личностей, крушение надежд, становление характеров, любовь, предательство, самопожертвование и множество приключений героев не оставят вас равнодушными. Действие книги происходит в наиболее зыбкие моменты истории России, охватывая период от начала двадцатого века до начала Великой Отечественной. (В оформлении обложки использовано оригинальное фото из семейного архива автора).

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

«И он сказал мне: я пришел показать тебе время грядущей ночи.»
(Третья книга Ездры, глава шестая, тридцатый стих)

Все события, герои, сюжеты книги вымышлены. Любые совпадения случайны и не основаны на реальных фактах. Роман является плодом фантазии и не претендует на историческую достоверность. Действия, мораль и оценки героев могут не совпадать с позицией автора.

Часть первая Маруты

Глава первая Мишка (1942)

Двое невзрачных мужичков, похожих на сморщенные грибы в своих одинаковых серых плащах, курсировали вдоль улицы и усиленно делали вид, что им нет никакого дела до денди средних лет, несущего саквояж к помпезному входу гостиницы «Москва».

Человек шел уверенным шагом, не глядя по сторонам. Но грибы – сотрудники известной службы – натасканным взором быстро определили, что столичный гость одолевает некими не очень приятными для него мыслями:

«Время тяжкое, война, народ перебивается с корки на воду, кругом цензура, и сексот сексотом погоняет. Транспорт ходит через пень-колоду, настроение нулевое, как хер у карлика: шутка ли дело – враг у ворот. А тут придумали. Юбилей народного писателя им подавай, тоже мне событие! Еще б на бал пригласили клоуном, сволочи. И попробуй, откажись. Не только пальцы в дверь засунут, а чего понижже».

Несмотря на внешнюю уверенность, Михаил шел к парадному входу, как на прием к проктологу: не хочется, а надо. Мимоходом, скорее, по привычке, чем из интереса, заметил маячившие поодаль мутные личности. Не дремлет Родина родная. Черт, юбилей, придумали же. Зачем? Чего ради? Война, трупами наших пацанов все завалено, а я – такой весь народный – тянусь в гостиницу «Москва». Пусть не по своей воле, но топаю же, приехал, так и напишите в отчете, уроды...

Понимая, что, будучи одет по западной моде, уж слишком вызывающе хорошо, почти как шпион из плохой киноленты, Михаил, тем не менее, не смутился под пронзительным взглядом бывалого сотрудника, показал паспорт администратору, кивнул в ответ на благосклонный разрешительный жест, и весь в своих мыслях потащил пожитки к лифту.

Не просто так, а с самого кремлевского верха была команда прибыть народному писателю БССР Михаилу Вашкевичу, дядьке Михалу, из далекого эвакуационного Свердловска в Москву. Все было обставлено официально: правительственная телеграмма, в ней – предельно сухо «явиться для организации юбилейных торжеств».

Думал ли Мишка Вашкевич, перебродский пацан, родившийся в Польше при царе-батюшке, сын революции и смутного времени, что вывезет его кривая в писатели, и не рядовые, а самые что ни на есть передовики пера и пишущей машинки.

«Спасибо, как говорится, партии и правительству. Оценили, наградили, вот вызвали, суки... Что б его, этот юбилей. И сорок лет вроде как не празднуют: плохая примета. Но время и власть такие, что не подчинишься, попадешь в опалу, а то и чего похуже, гады, придумают. Довелось попробовать и этого хлеба, объясняли больно доходчиво, еще в тридцать седьмом. Хорошо, хоть подселили в гостиницу к товарищу по писательскому цеху. Тадеуш – земляк-белорус, будет с кем перекинуться парой слов и рюмку опрокинуть».

Узнав о приезде именитого гостя, на огонек заглянули коллеги – поэты, Винцент и Пятрусь. Получилась «компания не велька, але ж бардзо гэжэчна». По такому случаю из недр необъятного саквояжа, заботливо собранного женой Владой, были извлечены пятизвездоч-

ный армянский коньяк и банка тушенки в маслянистой бумажной упаковке, точно из каких-то военных стратегических запасов.

Влада так и сказала: «Не жрать! Открывать при явной угрозе голодной смерти. Береги, не ешь, а лучше всего забудь и не вспоминай!» – посмеивался Михаил, ловко вскрывая консерву гостиничным столовым ножом. Тут же пыхтел Винцент, справляясь с тугой коньячной пробкой, исподволь бросая влажные тюленьи взгляды на живого классика.

Был Михаил не велик ростом, поджар и строен, одет франтовато и с претензией: белоснежная шелковая рубашка, синий галстук в горошек по последней довоенной моде, твидовый костюм, сшитый точно по фигуре. Даже туфли были не фабрики «Скороход», а легкие, мягкие, любовно изготовленные мастером из кожи явно не советского производства.

Винцент победил пробку и с прямотой заслуженного придурка советской литературы заметил:

– Буржуй ты, дядька Михал, как тебя советская власть терпит? И вид у тебя классово чуждого элемента. Извини, конечно.

– А я, дружище, не сливаюсь с общим фоном, как некоторые. Мне это не надо, – умный цепкий взгляд с полуулыбкой давал понять, что тема для него не нова и давно набила оскомину. – Мне «народного» не за внешний вид, а как бы за творчество дали. И в лаптях я, Винцент, находился столько, что тебе, рабочему сыну, и снилось. Человеком надо быть. Я, например, стал, вот и выгляжу соответственно – по-человечески...

Пухлое лицо Винцента перекосило от обиды, отчего он стал похож на побитого молью старого спаниеля. Чувствовалось, что хочет дать такой же острый ответ, но на ум приходит одно банальное «сам дурак».

– Ух, ух... Рабочий ты сын! – хлопнул друга по плечу Пятрусь и приторно фальшиво продолжил: – красиво, вроде и не сукин, а подразумевается! Уделал, дядька Михал, уделал!

И тут же с ловкостью умелого демагога тут же перевел тему.

– Коллеги, анекдот по этому случаю. Муж возвращается из командировки, слышит в спальне грохот. Ну, натурально грохот падающего тела, – Пятрусь разыграл сценку в лицах, мастерски меняя тембр голоса и пародируя еврейский выговор.

– Розочка, а и где это у нас так упало?

– Так у шкафе, Мусик.

– А шо там такое было?

– Одежда, Мусик, к чему такие нервы?

– Зая, я не против одежды, а шо ж так громко? – начинает что-то подозревать муж.

– Так у ней Беня запутался!

Винцент отошел от обиды и даже слегка гоготнул, потянувшись к бокалу, Пятрусь жестом остановил его: «Слухай, что далее было! Командировочный наш в шоке, сразу вспотел, хватается за зонтик, визжит, точно то недорезанное поросся».

– Роза! А шо какой-то Беня делает у нашем шкафе?! Отвечай немедленно, или я за себе не ручаюсь!

Роза бледнеет. Но тут дверца открывается, из шкафа вылезает здоровенный голый бугай. И так деловито:

– Не орите, товарищ. Эвакуационная комиссия выделила мне два квадрата вашей площади. Вот мы с вашей женой решили, что в шкафу я вас меньше всего буду смущать. Принимайте подселенца.

И чуть ли не обнимается с багровым от такого «счастья» Мусиком:

– Не делайте с меня дурня! Если вы подселенец, то почему у вас промежду ног усе вот дыбом? – показывает рукой на огромное достоинство Бени и едва не плачет. Бугай растерян, смотрит на Розу. Та набирает воздуха поглубже, и выдает:

– Мусик, и шо ты нервничаешь по пустякам? Это он у него так обрадовался новым соседям!

Бедный Мусик облегченно вздыхает, падает на табуретку, вытирает с лысины пот и улыбається:

– Ну, слава Богу, Розочка, а я ж думал, шо это воры!

Все засмеялись, оценив анекдот, которые Пятрусь, кажется, сочинил на лету. Зато обстановка разрядилась самым непринужденным образом.

Хлопнули по первой. Не занюхивали – не «казенка» ж, – оценили букет и аромат тягучего маслянистого напитка. Тут же повторили. После третьей приятное тепло растеклось по телу, и, как водится, пришло время застольных разговоров.

Как ни пытались приятели обсуждать мирные темы, но тяжкая ситуация на фронте все равно становилась главной темой беседы. Когда на столе появилась непонятно откуда взявшаяся третья бутылка, открыто, без полупамятков, заговорили о том, что действительно тревожило. О том, что такого быстрого продвижения германцев не было в истории, что почему-то мы оказались не готовы к войне, что слово должно вселять в народ уверенность в силу и мудрость руководства, и про то, что у писательской среды этой самой уверенности кот наплакал. Тадеуш яростно отверг сомнения Михала по поводу уместности юбилея в такое тяжелое время, и тот почти с ним согласился.

Не выдержал подвыпивший Вицент: свежая новость гвоздем засела в его мозгу.

– Ты извини, дядька Михал, но фашисты в Минске улицу твоей фамилией назвали. Такие вот непонятные дела.

Вашкевич вытянулся, как тугая струна, сжатые в кулак пальцы побелели, губы вытянулись в тонкую прямую линию. Повисла тягостная пауза, в номере повисла звенящая тишина. Все как будто разом протрезвели.

Вицент, осознав, что ляпнул лишнее, быстро сделал вид, что его развезло. Откинулся в кресле, запрокинул голову, полузакрыв выпуклые глаза, всем своим видом давая понять, что ему очень плохо и тянет в сон.

– Говори, – глухой шепот Михаила был настолько страшным, что всем подумалось, что уж лучше бы дядька Михал заорал.

– Да сплетни все. Забыли! – попробовал замять тему Пятрусь, наполняя казенные гостиничные рюмки.

– Говори...

Поняв, что прикинуться мертвым не получится, Вицент охнул и оперся локтями на колени, положив на ладони тяжелую бычью голову.

– Такое дело. Дошли слухи, что немцы переименовали то ли Кирова, то ли Свердлова в улицу Вашкевича. Все! Больше ничего не знаю. Прости, что ляпнул, дядька! Ну, проехали. Прости засранца, зря я это... Давайте выпьем.

Тадеуш, который, как оказалось, тоже был в курсе этой истории, вздохнул и затараторил, неловко пытаясь разрядить ситуацию:

– Да что ты молотишь, дурья башка! Не Вашкевича, а генерала Вашкевича. Батька Булат – тот, что народную республику в Мозыре придумал. Ну, все помнят. Его правительство тогда немцы признали, потому не удивительно, что нынче вспомнили гада. Однофамилец! У нас в Беларуси Вашкевичей, как в Москве Ивановых. Хоть жопой ешь! Какой-то мудоило-генералишко – ну, подумаешь, однофамилец нашего народного юбиляра. Разговор яйца выеденного не стоит. Кому надо, разберется! – Тадеуш показал вверх глазами и дробненько захихикал, но тут же осекся под тяжелым взглядом Михаила.

– Нет, не однофамилец. Брат это мой родной Стась. Прозвище Булат к нему в первую мировую приклеилось, вместе с георгиевским бантом. Чтобы больше не возникало вопросов, Сергей Вашкевич – бывший эсеровский боевик, а теперь сами знаете кто – тоже мой брат.

Родные мы. Семья. Кровь у нас одна, отца и матери, и дедов наших. И мы друг за друга глотки перегрызем.

Михаил с вызовом окинул взглядом притихших собутыльников.

Посиделки вдруг перестали быть дружескими: так бывает, когда собирается компания скорее коллег, чем товарищей. Повисла тягостная пауза. Пятрусь молча плеснул себе коньяка и меланхолично затянул: «Як вазьму я ружу-кветку, да і пушчу на воду...»

«Ты і пльві ружа-кветка да самага брооду...» – подхватили Тадеуш и Винцент.

Вашкевич закинул ногу на ногу, подпер подбородок холеной ладонью, взгляд его затуманился. Он и сам не ожидал, что медленная, словно спокойно текущая река, мелодия погрузит его в глубину невеселых воспоминаний – туда, где жизнь вдохнула в него душу и повела по тернистому пути ныне признанного творца, а когда-то обычного деревенского босняка Мишки.

* * *

Ивана били долго, с остервенением, уже и кровь перестала пузыриться на посиневших губах, а красивое когда-то лицо превратилось в набухший кусок мяса, но братья Лозовские не унимались: увлеклись, вошли в раж, топтали ногами обидчика, покусившегося на их святое, хозяйское. Лупили Ивана за дело: вот же она, только что срубленная сухая елина. С остервенением втаптывали мужика в мерзлую землю, аж пар стоял над широкими сутулыми спинами. Били резко, умело – с оттяжкой и пыром в живот, потом руками – в месиво головы, не жалея кулачищ, разбивая костяшки пальцев о падающие в снег зубы соседа.

Последыш Ивана крутился под ногами мужиков, пытался хватать их за руки, пока старший из братьев, Митяй, не пнул раздраженно ребенка, как надоевшего щенка. Мишка отлетел на пару метров, больно зарылся носом в намерзший наст, в его груди что-то заклекотало, да так, что не мог продохнуть.

Странно, но поймал себя на дурацкой мысли: вот убьют папку, с кем тогда ехать на воскресную ярмарку, обещал же сахарного красного петушка на палочке, и что теперь? Неужто не будет?

– Не надо! Не надо-о-о-о! Вы чего?! Папка! Папка!

Хотел подняться, но куда там, засел в сугробе плотно. И орал Мишка не столько от страха, сколько от беспомощности, от обиды за несправедливость, тащили они свою хвоину со их земель, черт дернул срезать угол. Не Лозовских эта елина, а их с батяней. Орал Мишка Вашкевич, чувствуя маленьким своим сердцем, что непоправимое вот-вот случится, уже случилось...

Вдруг понял, почуял – всё! И завыл, завизжал как затравленный волчонок, закрыв уши руками, чтобы не оглохнуть от несчастья, заполонившего все вокруг.

Горе хлынуло из горла тонким писком. Казалось, верхушки елей должны были попадать срезанными, а в братьях Лозовских образоваться по аккуратной дырке. Но нет, ничего не произошло.

Брызнувшие слезы замерзли на ресницах, и мир перестал быть отчетливым; видел лишь, как две сутулые фигуры поволокли мокрый куль тела в сторону родового камня – межю землями Лозовских и Вашкевичей. Последнее, что запомнил Мишка, прежде чем мир потух, – красная полоса крови, тянущаяся по бескрайнему белому полю, полоса крови, испокон веков разделяющая эту землю на своих и чужих. Так буднично, привычно разделившая и маленькую жизнь Мишки на «до» и «после».

* * *

Поп согнулся, пытаясь не расшибить голову о низкий дверной косяк, но все же задел его могучим лбом. Бархатный клобук слетел и покатился на пол.

– От же, етить... – отец Филипп, сам того не желая, выругался, запыхтел и в клубах морозного пара боком втиснулся в полумрак хаты. Кряхтя, поднял свой головной убор, сощурился, привыкая к неяркому свету свечей.

Мишка и Ганна, прятаясь на полатях, так и прыснули со смеху. Уж больно отец Филипп в своем желтом, под золото, фартуке смотрелся в их халупе неуместно. Был он точь-в-точь как та яркая заморская птица павлин с заветной жестяной банки из-под чая, где мамка прятала копеечки и серебряный перстень-печатку – ее приданое, память о благородном шляхетском происхождении.

– Мир дому сему! – отец Филипп поклонился, насколько позволял толстый живот, перекрестился на образа в красном углу, тяжело вздохнул, изобразив сострадание: все как положено в тяжелой ситуации. Стоявшие возле покойника подростки Сергей и Стась отошли к стенам, давая проход к телу батьки. Софья вскочила с лавки у гроба, засуетилась, в почтении сложила руки лодочкой на груди. Ключула по-птичьи в пухлую длань священника, а наперсный крест поцеловала от души, почти страстно, словно ждала чуда воскрешения погибшего мужа. Замерла, сжала страдальчески рот, смиряясь с реальностью, всхлипнула, задохнулась и зашла в рыданиях, заливая вдовьими слезами могучую грудь батюшки.

– Ну-ну, буде, буде... – смущенно забасил поп, мягко отстраняя голову женщины в черном платке. Он ловко, словно фокусник, извлек из недр рясы коробку с походным набором священнослужителя. Отвинтил крышку от серебряной посудинки со святой водой, сунул кисточку внутрь и щедро окропил покойника и стоящих поодаль братьев. Коренастый Стась лишь поморщился, высокий Сергей едва заметно улыбнулся, как полагается старшему мужику в семье. Мишке и малой Ганне тоже досталось «дождика», они тут же принялись слизывать капельки со щек друг друга: а вдруг они сладкие?

Софья взяла себя в руки, зло зыркнула на малышей, подняла лицо к дощатому потолку, вспомнив о благородном воспитании, широко, истово перекрестилась и села на лавку. Вспатривалась в бледное восковое лицо, думая, что оно лишь отдаленно напоминает ее заводного и веселого Ивана.

– Со святыми упокой, со святыми упокой! – доносилось мерное гудение отца Филиппа. Качалось и повизгивало цепями в такт потрескивающим в печи поленьям сочившееся ладаном кадило. Трехлетняя Ганна сладко засопела и задремала, упершись острыми кулачками в спину брата. Мишка в очередной раз справился с острым комком в горле, всхлипнул и сам не заметил, как провалился в беспокойный сон.

Снилось Мишке, что плывут они с батей по широкому перебродскому озеру Набист. Иван мощно работает длинными веслами, мерно скрипят уключины, солнце заливает необъятную водную гладь, а домишки, облепившие берег, становятся все меньше и прозрачней – еще чуток, и растворятся в линии водного горизонта. Далеко отплыли, кругом, куда ни глянь, вода. Вдруг батя кладет весла на крутые борта деревянной лодки, смотрит на сына строго и слегка презрительно:

– Что ж ты, Мишка, не сберег меня? Как так? Почему не отбил от Лозовских?

– Дык я пробовал, бать!

– Пробовал он... Плохо, видать. Надо было Серегу со Стасем звать, они б, небось, справились. А ты вот не уберег отца. Не стыдно? Эх, сын...

– Бать, я хотел! Так эти... кони здоровые! Че им я? Мне вон губу разбили, гля! Ты не обижайся, пожалуйста. Мы с Ганкой к тебе на кладбище кажен день бегать будем, посмотришь вот, и Стась, и Серега. Че встал? Поехали что ли дальше?

– Да приплыли мы уже, сынок.

– О как? А удочки где? Не взяли? Какой ты, батя, забывчивый все же. Придется обратно теперь.

– Не придется, Мишка, не придется уж...

Непонятно откуда вдруг подул холодный ветер. Лодку закачало, да так, что Мишке пришлось ухватиться за деревянную лавку-распорку. Древний дедовский човен застонал раненым зверем, захотали невесть откуда взявшиеся чайки, тухлявая посуда закачалась и просела, впуская в себя ручейки черной воды.

А батя вдруг стал серьезен. Выпрямился, встал во весь свой немаленький рост, раскинул руки навстречу ветру и брызгам и сиганул прямо в студеные волны.

– Ты чего?! Холодно! Папка! Папка-а-а! – в ужасе заорал Мишка.

Но тут утлое суденышко подняло к самому свинцовому небу и медленно-медленно, и от того еще более мучительно, обрушило в глубь реки. Небеса покрылись теменью, и исчезли все звуки. Выбрался из закоулков этой странной тиши давний кошмар: Мишка снова тонул. Мальчик задержал дыхание и даже смог широко открыть глаза и разглядеть в бездонной пучине белеющее тело отца, плавно удаляющееся в бездну. Рванулся было за ним, но увидел, что и не отец это вовсе, а огромная белая рыбина. Она парила над зелеными лохмами водорослей, медленно и важно махала могучими плавниками, словно приглашая Мишку на дно погостить в своем подводном царстве.

– Что, Мишка, опять зассал? Эх, сын... – открывая толстый рот, пробулькала рыбина и, не дождавшись ответа, махнула хвостом и начала величественно удаляться, растворяясь в зеленоватой подводной мгле.

И разрывался Мишка, не зная, то ли плыть вниз за рыбой-батей, то ли рваться наверх, за глотком воздуха. В голове засверкали звездочки, которые складывались в квадраты, закручивались спиралью, по которой его уносило все дальше и дальше, в спасительное царство беспамятства.

... – Пей, пей, сынок... Гляди, Сереж, жар у малого вроде ушел. Лучше ему, слава Богу. Мишаня, мальчик мой, как же так... Грешно, но думала, что Иван и тебя за собой приберет, любимку своего.

Выразительные глаза Софьи повлажнели, прямо на нос Мишке упало пару холодных капель. Мальчик поморщился, оглянулся вокруг. Лежал он в широкой родительской постели, рядом на табуретке – куча пузырьков и пузыречков. Судя по довольным лицам Сереги и Стася, случилось что-то неожиданное и хорошее. Мишка улыбнулся. Братья сразу же захохотали в голос и даже обнялись от избытка чувств – дело невиданное, – всегда ведь только тумкали и штурхали друг дружку, а тут...

– Батю, батю не догнал, – хотел рассказать страшный сон Мишка, но голос его чуть был слышен. Мать заплакала, прижала исхудавшего за болезнь сына к крепкой округлой груди, зашептала щекотно прямо в ухо:

– И молодец, что не догнал. Две недели уж как на погосте кормилец наш. Не смей мне больше. Слышишь? Не смей. Ты тут нужен. Мне! Понял?!

– Понял.

– Не бойсь, мать. Мы Маруты. Нам любая болячка, что у ксендза – заначка, вроде есть, а никто ее не видел, – влез Стась и покраснел, стесняясь собственной неожиданной многословности.

– Маруты... точно. Маруты – батькина порода, – на красивом даже по шляхетским меркам лице Софьи мелькнула полуулыбка, которая могла означать все что угодно – от презрения до восхищения. Но сейчас чувствовалось, что она гордится этой прилипшей намертво кличке, протянутой семьей Вашкевичей через века.

... Марутой за спиной звали и Ивана, и его отца Петра, и деда Климента. Мишка не знал, откуда такая вроде б обидная погремуха взялась, и даже пытался бороться, доказывая всем, что он никакая он не Марута, а Мишка Вашкевич. До тех пор, пока покойная баба Клава не рассказала, откуда пошло прозвище.

– Вот ты злишься, шанюк, что тебе Марутой кликают. А ты гордись! Марута – то прапрабабка моя, царствие ей небесное, она нашему роду корень дала. Красавица была глаз не отвести, к ей и богатеи сваталися, да. Сам пан Сапега, бають, к ней сватов засылал! Да только не по сердцу они ей были все. Мы, Вашкевичи, коли любим, так всей душой и телом, коли не до спадобы нам, то хоть четвертуй нас, не буде по-ихнему. Характер у нас такой. И плохое от этого имеем, и хорошее. Так вот. По душе ей только Витольд пришелся, это ж парапрапрадед мой. Ох и рыбак был, не нашим окуркам чета! Все мелушки знал, как своих десять пальцев. Когда какая рыба на жор идет, в якой год на якое место, куды по зиме сеть метнуть, чтоб от лещей рвалась, где в якой ручей угорь по весне поидеть, чтоб бучами перекрыть, что щуке после нереста до сподобы... Да. Умный был, под стать нашей Маруте. Что ж тут удивительного, выбрали друг дружку да и обвенчались.

Двадцать пять лет душа в душу отжили, восьмерых деток нажили. Жили ладно, что завидовали все: не бывает, чтоб так дружно люди жили, а им удавалось. Умные люди. Таких нонеча не делают. В той год, лет триста назад, али усе пятьсот? Врать не буду, не знаю я, война большая была, билися шляхтичи наши с русскими князьями с Полацака.

– Э, бабка, как так с русскими? Русские вроде б как наши?

– А ты не перебивай, шанюк! Это в гэтым часе они вроде б как свойския нам люди. Не всегда так было... Слухай лучше, Марута. Билися-билися и уперлися в реку нашу, Храбровку.

– Какую реку? Ручей меж озер! И горазда ты врать, бабуля!

– То ныне так, по тым часе река то была, и королю наступать надо, а моста нету. Тогда Витольд и вызвался, покажу, говорит, вам брод, где надо бревен подстелим, не утопне твое войско, пан король, иди воюй, только местность нашу не разорай. На том порешили.

Все сладил родич наш, как обещал. Переправу организовал, да так ловко, что король литовский все войско свое прямо в тыл неприятелю и провел. Сеча была большая. Победили оне тогда в битве, ушли с победой. На радостях король нам, Вашкевичам, потомственное шляхетство дал и герб, на яком мост-подкова (на счастье, значить), и меч – воинская слава и доблесть. А на сем месте город заложил, который и донине Перебродье называется.

– Вот брешешь, ба! Город? Деревня ж...

– То кали было? Тогды города поменьше были, небось. Не перебивай. Не прошло и года, пришли супостаты и вспомнили Витольду про его помощь королю. Зарубили и яго – то полбеды, а вот шестерых сыновей Маруты и Витольда тоже, вот то беда, так беда.

Не пережила такого горя наша Марута. Год пила горькую и не пьянела, только и вставала, чтоб дочку и младшего покормить, выла, як волчица раненая день и ночь. Рубашку, в которой была на похоронах мужа и сынов, не сняла ни разу, и потом, до самой смерти не снимала, стирала, латала, живого места на той рубахе не было, но не сняла, и боль в ее сердце поселилася, что не передать.

Год прошел, все запасы проели, а жить как-то надобно ж. Стала рыбачить замест Витольда, да так удачливо, что люди диву давалися: там, где все одну – две рыбины достануть, там у Маруты полон човен.

Так зауважали ее рыбаки, что выбрали главной в артели. Крутой нрав был у бабы, за словом в карман не лезла, и рука тяжелая оказалась: что не по-ейному, сразу в зубы, и уся бсяеда! Дерзкая и умная стала, под стать тогдашнему часу. До смерти к себе ни одного мужика не подпустила, красоту свою до старости сберегла. Да-а-а...

А дожила Марута до ста чатырох лет и внуков вырастила, и правнуков поженила. С той самой поры весь ейный и Витольда корень, мы то есть, Марутами и кличуть. Потому как уважение народное и добрую память даже полтыщи лет сгрызть ня могут! Няма у часу такой силы. Каб не войны ды злыя люди, была б нас целая деревня Марут.

Но тут судьба, не иначе: как начали мы гибнуть, так и продолжается. Не было ни одного поколения, чтоб не повоевало. Спокон веку и палили нас, и топили, и секли, и на куски рвали. Место такое проклятое, или что? Мало Марут осталось: ты, шанюк, Ганка, да Сяргей са Стасем.

Знай, шанюк, Марута-то не кличка паганая, а награда от людей. И в Браславе, и в Мёрах все знают, коли кого Марута кличут, у того жизнь буде, может, и короткая, но яркая. Слово у Маруты – железное, коли сказал, то можашь рэзать яго на куски, палить, топить, але так и буде!

Иди гуляй и на Маруту откликайся, то похвала, а не обида.

... Пришла весна. Уже не так саднило маленькое Мишкино сердце, когда доводилось пройти мимо желтого соснового креста. Получилось, что место для батьки нашлось у самого перекрестка: от древнего кладбища дорога разбегалась в разные стороны, хочешь – на Слободку, хочешь – на Миоры. Не совсем хорошее место для покойника. Нет-нет, да и тревожили покой Ивана Вашкевича проезжие с ярмарки мужички. Что греха таить, особо его не вспоминали, но когда в глаза бросался крест, придерживали лошадь, опрокидывали рюмку-другую в память о хорошем человеке.

Мишка по первости часто бегал проведать отца. Поплакать тайком, зная, что ни мамка, ни братья такой слабости не одобряют. Бегал бы на могилку и дальше, но Софье доложили зоркие соседи. Выговорила поначалу строго (нечего по мертвым долго слезы лить, мокро им на том свете от слез, топнут, задыхаются). А вдругорядь выпорола вожжами. Порола и сама плакала, то ли от жалости к орущему Мишке, то ли от горькой вдовьей доли.

После этой экзекуции спрятался мальчишка на сеновале, глотал слезы от обиды, мечтал, как уйдет из дому, что б все искали и не нашли.

– Попомните у меня! Плакать будете, а нету меня! – шептал про себя Мишка и зло грозил острым кулачком в сторону невидимых родственников. И сам не заметил, как уснул.

Разбудил его тихий разговор. Высунул сверху вихрастую голову: интересно же! В полумраке сарая, у самой загородки с коровой Маней и подсвинком Додей, различил два юношеских силуэта. Только хотел крикнуть: «Сергея! Стась! Айда ко мне на сеновал!», но вовремя вспомнил, что он вроде как бы в бегах, и выходить, пока не соскучились все как следует, не стоит: надо выждать время.

– Откупились, гады. В жандармерии малого и слушать не стали. Ясен пень, у Лозовских все там подмаслено, сколько самогона через них течет. Подстеречь, и сзади обухом по темени, – донесся до «беглеца» низкий голос Сергея. – Можно у постоянного двора подождать, каждую пятницу нажираются, бери, гавриков, тепленькими.

– Не пойдет. Поймут же сразу, чьих рук дело, – Стась задумчиво приложил крепкую ладонь к подбородку, отчего вдруг сразу стал похож на покойного отца.

– Кто поймет? Да у Лозовских полгмины врагов! Уроды, а не люди. Жадные твари. Мало кого обидели? Споели всю округу. Тьма таких, у кого руки по гадам чешутся!

– Твое дело. Хочешь в тюрьму, никто не держит. Тут по-умному надо, – Стась что-то азартно зашептал в ухо Сергею.

Мишке страсть как хотелось узнать, как надо по-умному прибить Лозовских, но слышно было плохо. Решил взглянуть и попытаться прочитать по губам, чего такого мудрого придумал Стась. Высунулся почти до самых стропил, да так неловко, что соскользнул по сухому сену прямо под ноги братьям.

– Ты что тут делаешь, Мишка? Подслушиваешь, что ли? – почти не удивился Сергей.

– Да я тут сплю. Это мой сеновал! – Мишка на всякий случай перешел в наступление.

– Твоя тут только грязь под ногтями, – уныло заметил Стась, понимая, что их планы попали под неожиданную угрозу провала.

– Да я и не слышал ничего! – яростно затараторил Мишка. – А что, если этих Лозовских отравить? У мамки яд крысиный есть! Я знаю, где.

– Миша, сейчас я с тобой буду говорить, как со взрослым. Смекаешь? – Сергей ласково приобнял братишку за плечи, чего за ним никогда не водилось.

– Я – могила! Мы, Маруты, из нас слова каленым железом не вытянешь! – Мишка сжал тонкие губы в ниточку, всем своим видом давая понять, что мужик он злой, деловой и серьезный.

– Это ты точно подметил. Мы Маруты. У нас предателей в роду никогда не водилось. Хочешь быть первым? – хитро сощурился Стась.

– Ща в глаз кто-то получит, – набычился Мишка.

– Но-но, потише. Запомни, малой. Мы семья. Мы друг за друга загрызем. И наши враги это знают. Забыли, правда, вот. Но...

– Но мы им напомним, – ярко-голубые глаза Стася вдруг потемнели и стали похожи на предгрозовое перебродское небо.

– Точно! Разбросаем клочки по елочкам! – заулыбался мальчик.

– Подожди. Теперь от тебя, Мишка, зависит, есть у нас время или лучше все забыть. И простить, подставить левую щеку, как нам отец Филипп советует.

– Что еще этим уродам подставить?! Давай так: что бы батька и родичи наши сделали, то и мы! – Мишка чуть не подпрыгнул, чтоб донести свою мысль до рослых братьев.

– Вот и не болтай. Что слышал, забудь. Розгами бить будут, ори, а про наш разговор не вспоминай. Ты ж Марута?

– Я Марута! Это... Землю жрать будем? – поинтересовался Мишка, хотя и так дотумкал, что случайно стал участником очень серьезных взрослых дел.

– Обойдемся. Достаточно твоего слова. Когда все случится, не радуйся и не горюй. А зачесется ляпнуть хоть слово, пойди и урони себе плуг на ногу, полегчает, – Сергей потянул Стася к светлому проему дверей сарая.

– Меня возьмите! Я на стреме могу, серьезно, – тихо прошипел Мишка вслед, так, чтоб услышали только братья.

Но они лишь отмахнулись, как от назойливой мухи.

* * *

Пан Адам Еленский стоял в гостиной, взглядываясь помутневшим старческим взором в высоченное окно дома. Смотрел бесстрастно, холодно, не ожидая увидеть в ночном мощенном диким камнем дворе ничего нового. По старой кавалерийской привычке облокотился на ногу, небрежно переброшенную через спинку тонетовского стула, курил пахитоску, держа ее неловко между остатками большого и указательного пальца изуродованной руки. Память унесла его далеко назад.

Кажется, только вчера Черныш высекал искры из этих камней под худощавым седоком, будто влитом в седло. Бело-красное полотнище. Запах свободы, пьянящий, заполняющий все нутро без остатка. За столько лет рабства нашлись люди, поднялись, сбросили с себя шелуху испуга и покорности, «яшчэ польска не згинела», «покажем, братья, чья это земля, кто на ней хозяин».

Не знал юный шляхтич Адам, кто такие пан Домбровский и пан Калиновский, но по делам, что закрутились в январе 1863 года, было понятно, что люди дерзкие: не шутка поднять восстание против царя-батюшки. Как можно было отсидеться, когда цвет нации, лучшие из лучших, сбросили ярмо ненавистной веками власти. Еленские никогда не были трусами, пся крэв! Так и сказал матушке Юзефе. Только и видела она сыночка.

Что еще нужно юноше хороших кровей в двадцать лет? Добрый конь, шапка набекрень, пистоль за дедовским слущким поясом да лихо закрученные усики. Эх! И пошла гулять кривая

шляхетская сабля! Порубила немало, потому как хозяин был дерзок и страстен, пули не боялся, лез на рожон, не зная, что такое страх. Так был воспитан. Так хотел жить.

Пан Адам прищурился, едкий дым попал в глаза. Скоро рассвет. Ненавистные бессонные ночи, воспоминания, проклятые думы, чтоб им пусто было...

Весной 64-го разезд Адама Еленского, обескровленный, без провизии и боеприпасов, был вынужден сдаться в плен. Долго учили русские солдаты, как правильно кричать «слава царю и Отечеству», все пальцы раздробили увесистой кузнечной кувалдой. И по ногам попало, и еще по кое-чему. Прежде, чем впасть в забытие, хорошо запомнил счастливо улыбающуюся добродушную физиономию палача: «Звиняйте, паночку, не плодите вам больше шляхтичей и шляхеточек!» Только и успел подумать: господи, за кого жизнь положил? За этих? Рабы.

– Зачем? Зачем все это?! – заорал, брызгая кровавой слюной прямо в ненавистные лица. – Рабы! Зачем?

В ответ – лишь глумливый хохот. И спасительная темнота...

Пан Адам поиграл желваками, прикурил еще одну папиросу от предыдущей, Увидел, что из-за края леса показалась светлая полоска. Рассвет. Слава Богу, рассвет...

Благодаря молодости и природному здоровью Адам выжил. Может, и хорошо, что покалечили так, что вешать, как товарищей по оружию, было ни к чему. Урод – живое напоминание всем, кто задумал что-то против существующего строя.

Двадцать лет каторги. Молодость, здоровье, мечты – все похоронено в глухих северных лесах.

Выжил. Вернулся в захиревшее родовое поместье. Соседи благоразумно сделали вид, что не заметили возвращения старого нового хозяина. В прибывшем обовшивевшем человеке было больше волчьего, чем людского.

Вышло, что проходил в людском одиночестве остаток жизни. Из друзей – только книги: Вольтер, Руссо, Гегель, Мор. Любимые Платон и Шекспир. Спасибо управляющему, не пошли тысячи томов, любовно собранные батюшкой и дедом, на растопку.

Первые лучи солнца уже начали золотить пестрые от корешков книг стены, когда пан Адам Еленский задремал. Стоя. Подпирая искалеченной рукой высокий шляхетский лоб, наконец-то забылся чутким сном бывшего каторжанина.

Скрипнули двери, но старик лишь поморщился во сне. Никого он не ждал. Кому нужен калека с клеймом бунтовщика и матерого сидельца? Усадьбу Еленских с поры польского мятежа обходили стороной не только добропорядочные обыватели, но и лихие люди.

Всякие слухи ходили про Адама: будто бы на пасху он пьет кровь прямо из горла свежеубиенного петуха. Придурочный Юзик, деревенский идиот и пастух по совместительству, клялся здоровьем матери, что сам видел. Впрочем, трепло Юзик был известное, и матери своей он не знал, так как подкинули его к Иказненскому костелу еще младенцем, давно, что и никто точно не помнил когда.

Тем не менее, судачили о пане Адаме разное, и люди сходились во мнении, что в сибирских лесах пан Еленский точно продал бессмертную свою душу дьяволу и набрался колдовской силы. Обращались к страшному старику лишь по крайней нужде, если травма какая, как, например, пропововшие на сенокосе бок Яну Мартынову вилы, или когда малого надо было с того света вытащить. В таких случаях помощь ужасного калеки была действенной: почти всех вытаскивал из когтей костлявой. После такого лечения, правда, на год лишали его причастия, но то дело житейское, главное человек живой оставался.

... Мишка встал на пороге, в ужасе оглядывая логово колдуна. Хотел было убежать, пока не поздно, но чертов характер (Марута я, или нет?!) заставил успокоиться дрожащие от страха коленки и осмотреться. А все дурацкий спор с младшими Мальчехами: а слабо зайти к колдуну Еленскому в его берлогу? Не слабо! И, сказать по совести, самому интересно, что там внутри, за пыльными стеклами остроконечных окон? Может, головы пропавших по весне братьев Дов-

бенеи развешаны по стенам. Или икона с мордой сатаны в углу. Мишку аж передернуло от нарисовавшейся в голове жуткой картины, но кое-как уговорил себя и рискнул глянуть, что там, за окнами?

Странно, но чувство было такое, что не логово злого волшебника тут, а скорее костельная библиотека. Хотя куда там! Ксендзу Зыгмунту Карловичу и не снилось такое великолепие. По всем стенам до самого четырехметрового потолка – книги, книги, книги. Огромные с красными корешками и золотым тиснением, толстенькие, черные от времени, синие, оливковые, бордовые – у Мишки аж в глазах зарябило от такого богатства. Про страх как-то забылось, когда посреди комнаты увидел диковинного зверя о трех ногах. Что за машина такая? Бока отливают благородным орехом – отличать породы дерева еще батя учил, – изгибы, словно у перебродской красотицы Манефы, а прилавок улыбается белыми, как кость, зубами.

– Вот она – адская машинка! – подумал Мишка. – Сюда, в эти зубы, небось, и засунули бедных Довбенеи, а кровь, наверное, стекала вниз. Жуть! Но интересно!

Была не была! Открыл тихо, без скрипа, резные двери со скалящимися львами вместо ручек. Просочился мягко, словно утренний туман на поле. Оробел поначалу, чуть не выбежал обратно. Но совладать с природным любопытством не вышло, и Мишка решился: осторожно подкрался и краешком пальца решил тронуть зубастый рот адской машины. Всяко успею руку-то отдернуть! Тронул.

... И раздался медленный раскатистый гром. Мишка присел и чуть в штаны не наложил от страха, когда из тени у окна вышла белесая фигура привидения-старика. Быстро сообразив, что убежать от нечистой силы не получится, Мишка неистово закрестился: «Чур меня! Чур меня! Изыди, сатана! Отрекаюсь!» Больше ничего путного в голову не шло, и Мишка тоненько и протяжно заскулил: «Ма-мо-очка! М-а-а-а-мочка!».

Пан Еленский еле заметно улыбнулся, уж больно напоминал забравшийся в дом проказник нахохлившегося воробьиного птенца.

– Не ори. Все нормально.

– Чур, меня! Пресвятая Богородица!

– Ты чей, пацан? Что нужно?

– Вашкевич я, Мишка, Маруты мы. Я, нечаянно к вам...-заюлил Мишка, задом пятясь к полуоткрытым дверям.

– Ивана, что ли, сын?

– Дык да, – удивился Мишка: откуда колдун знает батьку?

– Прими соболезнования. Хороший был человек. Вернемся к теме. Чем обязан визиту ясновельможного пана, э-э-э... как тебя по имени?

– Мишка, Мишка я.

– Визит ясновельможного пана Михаила? – старик сел в кресло, закинул ногу на ногу, жестом изуродованной культи предлагая Мишке сесть напротив.

«Эх! Где наша ни пропадала!» – подумал пацан и сел на самый краешек мягкого кожаного чиппендейловского дивана.

– Так я, дедушка, не пан. Вашкевичи мы, рыбак мой батя. Был.

– Ну, во-первых, пан Михаил, я не вам не дедушка, зови меня пан Адам. А во-вторых, надо знать историю своего рода. Мы с твоим дедом Климентом... впрочем, это в прошлом. Для него это все обошлось, слава пану Езусу, ... в отличие от меня, – пан Адам закурил, сквозь клубы дыма окидывая визитера внимательным ироничным взглядом. – И? Что пану Михаилу нужно?

– Так это... – мучительно пытался придумать Мишка. – Это самое... А! Мамка послала спросить, не нужны ли случайно пану Еленскому яйца?

Серые глаза пана Адама на миг сделались колючими, он поджал губы, а мягкое до этого лицо вдруг вытянулось и приобрело отрешенно высокомерное выражение. По внезапно изменившейся атмосфере Мишка понял, что ляпнул какую-то глупость.

– Не, если пан не кушает яйца, то я пойду. Можно?

Внезапно старик расхохотался.

– Господи, дитя, как же все-таки испортила меня жизнь. Прости. И крупные ли яйца? Почему продаете? Ух-ух... откинулся в кресле пан Еленский, настроение его явно улучшилось.

– Так двадцать копеек корзинка! Как у всех. Будете брать?

– Конечно! Пан должен выручать пана. Берем! – неожиданно подмигнул мальцу калека.

Мишка не поверил собственному везению. Корзина яиц у всех стоила пятнадцать, а тут нарисовался серьезный навар на ровном месте.

– Так я сбегая? – вскинулся Мишка.

– погоди, – повелительным жестом остановил пацана пан Адам. Порылся в бархатном жилете и извлек из карманчика на животе блестящую желтую монетку с профилем Николая. – Вот тебе пять рублей. Скажем матери, что буду брать яйца три раза в неделю. Но...

– Что «но»? – Мишка в ужасе отдернул от монеты руку в испуге, что сейчас пан Адам попросит продать бессмертную Мишкину душу.

– Но скажи маме, пусть ясновельможная пани купит сыну нормальную рубаху, штаны и обувь. Негоже шляхте выглядеть мужиком. Это тебе первый урок. Запомни, пан Михаил. Быть человеком надо при любых обстоятельствах. Надо! Даже тогда, когда это невозможно.

Мишка почувствовал, как от взгляда собеседника побежали мурашки за шиворотом драгой рубахи. Старик посмотрел пристальней, и пацану показалось на миг, что его сердце кто-то взял в теплые ладони, погладил и отпустил. Все ж колдун! Но не такой злой, как все болтают.

– Не смею более задерживать пана, до встречи.

Пан Адам отвернулся и отсутствующе посмотрел в окно, всем своим видом давая понять, что аудиенция закончена.

* * *

«Тяжко без хозяина, доход от рыбалки кормил семью, а тут – ни рыбы, ни денег, ни поплавать, уткнувшись в крепкое Иваново плечо, – рассуждала про себя Софья, наполняя мешки крупной картошкой. – Мелкую сами съедим, а за крупную какую копейку выручим. В конце зимы – самая цена. Ганне надо платье, у Стася пальцы торчат из разлезшегося ботинка, и чаю бы не мешало, чабрец и ветки малины опостылело заваривать». Вспомнила тут же широкую улыбку Ивана, его смешную присказку: «Я без чаю не скучаю, лишь бы водочка была», улыбнулась внутренне в ответ быломu. Выпивоха из мужа был никакой, пару рюмок, и не хотел больше. Говорил, мол, не люблю, когда туман в голове, мне своей дури хватает.

Загрузили мешки на подводу Ерабья. Мужик жил с того, что возил деревенских на своей старой кляче аж до самого Браславского рынка. С кого гривенник, с кого – полтинник, по выходным неплохой заработок получался. Испокон веку в перебродских краях так: кто перевезет через озеро в соседнюю деревню, кто подвезет какой попутный товар. Имели копейку друг с друга, все легче жить. А нет денег, отвезут и за так, что с бедняка возьмешь? Спасибо, и на том ладно.

На рынок снарядили Сергея, как старшего в семье, Мишка, по своему обыкновению закалючил и напросился в попутчики. Три часа неспешной езды, и вот они – длинные ряды, уставленные разноцветьем глиняных горшков и горшочков. А за ними – гирлянды сушеной дривятской плотвы, и тут же – огромными поленьями лежат замороженные судаки и шуки. Кто сено продает, кто корову. Визжат поросята в мешках, сурово смотрят дородные бабы в цветастых платках, чтоб не сперли чего. Трогают незаметно между выпуклых грудей, где под жупа-

нами булавкой приколот заветный платок с вырученными кровными. Дергают мужей, чтоб не засматривались на румяных молодух и не тянули носами по ветру, несущему запах свежих пирожков с капустой и картофелем да сивушный перегар от успевших острограмиться счастливых.

Картошку Сергей пристроил быстро: забрали всю сразу. Повезло, управляющий имением графьев Мирских купил не торгуясь, но только, чтоб сами погрузили. Сергей с Мишкой быстро доставили ее на шикарную графскую подводку, запряженную парой огромных бельгийских битюгов.

Сразу появилось много времени. Счастливый от удачной сделки Сергей купил на радостях гостинцев. Мишке – леденец в виде барашка, Ганне – пряник, щедро облитый сахарным сиропом, мамке – пучок ниток, скрученных из серой кроличьей шерсти: платок свяжет, то-то будет радости. Приглядывал себе и Стасу по доброму ножу, но тут Мишка потянул брата в сторону:

– Гля! Чо там?

Пробились через толпу зевак, а там диво: парнишка цыганских кровей разложил прямо на березовом чурбаке три карты и так ловко ими крутит: туда-сюда, туда-сюда, приятно посмотреть. Сергей заинтересовался, почему народ жметя, хохочет и кряхтит от удовольствия. А дурной цыганенок вытащил из-за пазухи кучу купюр и затараторил громко, как по писаному:

– Подходи, братия! Кто совсем без занятия! У кого денежка – доставай, пока я добрый – выигрывай! Три карты – все по-честному. Денег у нас полно, а сами мы не местные. Две красных масти, одна черная. Тянешь красную – все прекрасно! Сколько ставишь – вдвойне от меня получаешь! Коли черная выпала, не горюй, пробуй еще, фарт не фуй, коли упал, сам поднимется!

Зеваки тут же с готовностью заржали. Крупный хорошо одетый мужик, купец по виду, достал бумажный червонец:

– Эх! Где наша ни пропадала! Риск – благородное дело! – хлопнул перед носом цыганенка купюрой! – Крути! Посмотрим кто кого.

Цыганенок ловко принялся перекидывать карты с места на место, только руки замелькали.

– Стоим не стесняемся! Говори «хватит», когда выиграть собираемся!

– Хватит! – Купец рукой прижал карту. Сергей даже шею вытянул, так было интересно.

– Да пошли уже. Фигня какая-то... – потянул брата за руку Мишка.

– Подожди, малой. Тут быстрые деньги можно надыбать. Глянем!

Купец поднял вверх червовую десятку.

– Ага! Моя! Гони двадцатку! Видали, а?!

Народ удивленно заахал. Явно огорченный цыган отслонявил купчине два червонца из солидной пачки купюр. Развел руками – бывает, отвернулся от лежащих карт, чтобы положить пачку денег в домотканую торбу. Купец хитро подмигнул Сергею и ловко загнул краешек червовой десятки, приложил палец к губам, как бы показывая: «Ща мы его!» Паренек, ничего не заметив, вновь бешено закрутил картами.

Мужики, воодушевленные легким выигрышем, потянулись за кошельками. Цыганенок, якобы разозленный неудачей, тараторил дальше, не давая времени на раздумье:

– Проигрыш наш, выигрыш – ваш. Правила меняются, ставочки удваиваются! Кто готов по сто рублей, чтоб жилия веселей? Всех прочих, до денег охочих, просим успокоиться и ни о чем не беспокоиться!

Купчина посмурнел, помусолил купюры, махнул расстроено рукой, развернулся, отходя, и горячо зашептал на ухо Сергею: «Э, паря! Добавь полтинник! Сыграем напололам! Сам видал! Надежно картинку отметил!»

Сергей сглотнул слюну.

– У меня десятка.

– Эх! Давай! Ща все сообразим! Была десятка, будет – тридцатка! – подмигнул купчина, и Сергей сам не понял, как все картофельные деньги мигом перекочевали в пухлые пальцы везунчика.

То, что было дальше, Сергей запомнил плохо.

Видел только, как цыганенок перекидывает карты туда-сюда. Словно синица в кустах мелькала червовая с загнутым углом. Купчина подтолкнул Сергея.

– Давай, крой его, фартовый!

Сергей чуть ли не проорал «хватит!», прижал меченую карту дрожащей от азарта ладонью. Поднял, перевернул. ...И в глазах стало темно: в руках была крестовая десятка.

– Как же? Как же так? – у Сергея перехватило дыхание. Удивленно отметил, что оружие и подбадривающие мужики тут же деловито рассосались по сторонам, будто и не было их. Цыганенок, ловко спрятав купюру, тоже попробовал испариться, но Сергей схватил его за шиворот:

– Мухлеж! – заорал что есть мочи Сергей, но свалился на натоптанную грязь, получив подлый удар в висок откуда-то сзади.

Очухался возле подводы Ерабья. Башка раскалывалась, жить не хотелось, едва не плакал, как же так? Провели, как мышь на шелухе.

Скрипела конская сбруя, Сергей лежал на подводе, думая, что сказать матери. Мишка смотрел в обсосанный леденец на красный круг вечернего солнца и по-детски философствовал, пытаясь утешить брата:

– Ничего, брат. Картошка что? Она еще вырастет, коли посадим. Пряник вон купили. И ниток мамке. Переживем, а?..

Сергей встрепенулся: что-то пришло ему в голову, какая-то светлая судьбоносная мысль. Мишка подумал, что брат в этот момент был точь-в-точь как панский сеттер, который обнаружил добычу. Вытянувшийся в струну, готовый в мгновение ока выстрелить телом в невидимую пока никем цель. Сергей вдруг расслабился и снова осел в ароматное прошлогоднее сено.

– Хороший заработок у этих цыганов. И картошку сажать не надо. Быстро и много. Это правильно. Фигня! Будем считать, что заплатил за науку!

Мишка с удивлением заметил, как брат неожиданно повеселел, а в серых глазах его заплясали озорные чертики. Понятно было, что сдаваться на милость судьбы он не собирался, как и учиться смирению тоже.

– Вот же легкий характер. Мне б такой, – подумал Мишка и, уткнувшись носом прямо в широкую грудь Сергея, попытался покрепче запомнить этот момент восхищения. «Мой брат! Мой! Марута!» – проносилось в мозгу. Мишка улыбался счастливо, засунув поглубже за щеку сахарного барашка, тающего сладко и медленно. Точно так же, как таяла мальчишечья душа от защищенности и надежности, накрывших все существо Мишки от близости кого-то очень сильного и очень родного.

* * *

Месяцы летели быстро, как чайки над необъятной Уклей, что соединяется тоненьким проливом с перебродским Обстерно. Мишка сам не заметил, как приобрел нового друга. Ну да, старика, иногда сварливого, резкого в суждениях и поступках, заносчивого до спесивости, но все ж-таки друга.

И старый, и малый категорически старались не подавать виду, что нуждаются в том общем, что неожиданно возникло между ними, выросло, пустило корни и, по всему было видно, собиралось дать какие-то всходы. Станный союз двух разных людей, но родственных душ, иначе как дружбой назвать было сложно. Любопытство ребенка и побег от серых будней

старика дали жизнь чувству благородному и всепоглощающему. Чувству сильному – где-то на границах обоюдной симпатии, любви и уважения.

А может, все проще. Мишка нашел в пане Адаме так рано ушедшего отца, пан Еленский – ребенка, наследника своих мыслей, взглядов и богатого опыта. Странный союз. Но друзья не задумывались над такими мелочами. Наслаждение процессом приживления знаний матерого воина в быстрый и цепкий ум ребенка было обоюдным.

Когда неожиданно для всех у Мишки обнаружилась страсть к чтению, Софья только руками разводила:

– Сколько можно? Пане Адам, никаких денег на свечи не наберешься. Чего удумал, читает, стервец, по ночам! Вы б поменьше ему книг этих ваших давали. Нам же не в академию поступать.

– Пани София, в академии полным полно дураков, которые и не мечтают о таком быстром и хватком уме. Прошу Вас, по мере возможности, способствуйте увлечению сына. Если Вас не затруднит.

– А огород? Куры, корова, покос, картошка, камни вдруг на поле поперли. А я одна. Сергей и Стась с утра до ночи тоже по хозяйству, Ганна – малая, и то что-ничто подметет и миски помоеет. А этот? Воткнется в свою книжку, не дозваться. Мы люди простые, пан Адам, вы уж простите, но...

– Я понимаю. Нужда.

– И то, правда ваша. Так что, надеюсь, пан не обидится, что Мишка будет появляться к вам на учебу сильно пореже.

– Да что Вы, какие обиды. Ваше право, пани София. Только зря Вы род Вашкевичей называете простым. Вам ли, урожденной, Ясинской, напоминать, какая кровь течет в жилах ваших детей?

– Что было, то быльем поросло. Нет ни тех замков, ни тех угодий. В леса, что принадлежали моим прадедам, сейчас нам ходу нету. Надо было выбирать. Либо достаток, либо... Ничья вина, что и вы, и дед мой, поставили на свободу, от которой получили кукиш с маслом. Так что теперь мы никто и звать нас никак.

– Кровь – такая штука, пани, что и через поколение может дать о себе знать. Люди удивляются, откуда у пьяниц и ничтожных париев иногда нарождается дитя с разумом философа и душой принца. Потому что не все так просто было в родословной. Я в этом уверен. Так Вы говорите, пани София, что и стипендия, которую я намереваюсь положить юному дарованию, Вам не интересна?

– Стипендия? – по красивому лицу Софьи пробежала легкая тень сомнения.

– Ну да. Так сказать, денежная компенсация за отсутствие помощи по домашнему хозяйству. Какая сумма показалась бы пани справедливой?

– Неудобно. Я не могу принять никакие деньги. Мы не нищие, пан Адам, – Софья решительно встала, вскинула точеный подбородок едва ли не к расписному потолку усадьбы.казалось, вся ее изящная фигурка выражает возмущение столь низким предложением.

– Вот и заговорила шляхетская кровь. Присядьте. А Вы говорите! Кровь! Кровь! Любой купчина и обсуждать не стал бы, принял и еще поторговался б о повышении. Вы не такая. Как и дети ваши. Давайте, это будет не стипендия, а заем? Моя инвестиция в будущее пана Михаила. Когда вырастет и получит соответствующее его разуму образование, рассчитается. Это мои корыстные планы. Считайте, что я хочу нажить. Так пойдет? И вам полегче будет деток на ноги ставить. Решайтесь. Такие предложения бывают не часто, я их называю про себя судьбоносными.

Калека вдруг замолчал, как бы пережевывая внутри себя следующую фразу. Прищурился, затем поднял на Софью живые не по возрасту глаза. Сказал тихо, но веско:

– Прежде, чем отказаться, подумайте не о себе, а о судьбе Михаила. А она ему уготована не простая, но великая... Не спрашивайте, как, но я ясно вижу это.

– Что ж, если заем, то пусть, – неожиданно для себя подчинилась Софья. – Где-то надобно расписаться?

– Любой договор – лишь бумага по сравнению со словом Еленских и Вашкевичей.

– Спасибо вам. Вы благородный человек, пан Адам, – глаза Софьи предательски увлажнились. Она отвела взгляд в сторону, делая вид, что рассматривает камин с кариатидами, поддерживающими полку с массивными бронзовыми часами.

– Спасибо Вам, что доставили старику такую радость. В моем положении любое общение – драгоценный дар. И вот еще. Передайте Михаилу, я тут подготовил ноты, – Еленский ловко перевел щекотливую тему в безопасное русло. – Это Бах. Надобно почитать партитуру, прежде чем мы начнем работать над техникой.

– Ноты? Для Мишки? Он что?..

– Да, уже вполне сносно играет на рояле. Гораздо лучше, впрочем, чем мог когда-то я. Удивительный ребенок. Нет ничего выгодней, чем долгосрочные инвестиции в талант. Одна мысль, что моя личность, наряду с вашей, конечно же, будет маячить тенью в его судьбе, согревает меня не хуже рюмки доброго коньяка, пани София.

* * *

Тропинка к черной деревянной хате с яркой вывеской «Синяковъ и К» у перебродских была натоптана. Седобородый благообразный хозяин Николай Сергеевич Синяков относился к своему делу серьезно: лавка ломилась от городского товара. Чего тут только не было! И желтоватые сахарные головы, пирамидой вздыбившиеся до самого потолка, и кадки с сельдью, и конфеты в жестяных коробках, чай, кофий, водка в разной таре, самовары, отрезки заморских тканей, керосин и еще много-много всего.

Деревенские мужички терлись тут постоянно в надежде поживиться халявным табачком у более зажиточного соседа, а то и опрокинуть стопку-другую по случаю, или без оного.

Не пойдя Сергей со Стасем за спичками, не услышать бы им у лавки знакомые завывания о нелегком цыганском счастье. По столпившимся зевакам Сергей понял, что кочевая судьба завела карточных шулеров туда, где сила была явно не на их стороне. Марута удивился поначалу, а потом ощутил нечто подобное злорадству.

– Дорога с дорогой не сходятся, а человек с человеком всяк сойдется. Слышь, Стась, гости у нас. Те самые, что деньги за картоху у меня выдурили.

– По молитвам твоим, брат. Бить будем? Или как?

– Ну...можно для начала. Потом, поговорить бы не мешало. Вон тот бугай, видишь? Старшой он у них. Который косит под дурачка. Это мой. А мелкому, что сзади вьется, ты в ухо бей.

– А что потом?

– По обстоятельствам! Лады?

– Погнали!

Наваляли гастролерам как следует, даже отбивать их пришлось. Проигравшиеся мужички, присоединившись к празднику жизни, тут же покатали шулерскую тройку ногами. Сергей был вынужден бить по ушам уже своих односельчан, чтоб уgomонились и не забили бедолаг до смерти.

Чудом спасшиеся мухлевщики прикладывали лед к разбитым рожам и зло зыркали на братьев.

– Чего скалитесь, сиволапые? Сегодня – ваша сила. Завтра всяк может повернуться: и на нож налететь в темном переулке, – сплюнул кровью на снег Старшой.

– Та не пугай, дядя. Вы тут чужаки, а все переулки тут наши. Это вам урок, – Стась глянул на Старшого так, что тот поневоле опустил взгляд на сапоги, забрызганные собственной кровью.

– Не поймете, придется повторять. Нам не в лом и в Браслав на рынок подъехать, и в Двинск.

– Денег нету! – нервно заерзал цыганенок.

– Умолкни, Рома. Тут деловой разговор намечается. Закуривай, босота, – Старшой, кряхтя от боли, вытянул из-под толстого кожуха голубоватую пачку «Зефира». – Можем башлять за охрану. Парни вы крепкие, то, что надо.

Стась презрительно сплюнул.

– Обойдемся как-нибудь без ваших денег.

– Точно! – озорно сверкнул глазами Сергей. – А вот карточным фокусам не плохо бы поучиться!

Стась презрительно глянул на Сергея, хмыкнул и пожал плечами. Потом резко развернулся и молча пошел прочь, оставив брата и избитых жуликов в полном недоумении.

– Эй, Стась! Ты чего?! – окликнул Сергей брата.

– Херня все это. Без меня, – буркнул Стась и бодро зашагал дальше.

Сергей улыбнулся и как ни в чем ни бывало весело заявил картежной бригаде:

– Ничего. Прикрытие я вам и один организую. Слово. Меня в этих краях каждая собака знает. Научите ремеслу?

Старшой пустил в морозный воздух изящное кольцо густого дыма.

– Эт по способностям! Хорошего человека отчего б не поучить. А, братва?

– Покажь руки! – потребовал Мелкий, отнимая комок снега от подбитого глаза.

Сергей, не понимая в чем дело, протянул вперед ладони.

– Пальцы длинные. Что надо! – цыганенок широко улыбнулся, показав верхний ряд ровных белоснежных зубов с двумя золотыми фиксами, вставленными явно для блатного форсу.

– Добро. Мы тут до весны на гастролях. Азам научим. Дальше сам соображай. В картах главное выдумка и наглость, все остальное – фарт. Усек? Как там тебя, кличут?

– Марута. Когда учиться будем?

– Братва, наш новый кореш Марута резкий, как понос! – заржал Мелкий.

– Ладно. Рома, дай колоду. Покажу деревне для начала, как скидывать масть.

Старшой взял услужливо протянутую цыганенком колоду, и она вдруг ожила, то перелетая, то веером рассыпаясь щелкающим в воздухе мелькающим столбиком. Сергей смотрел на представление как замороженный. «Хорошее дело. В жизни не помешает».

– Э-э! Помедленней, дядя! Ты как это делаешь?

– А ты усекай. Что своими мозгами дотумкаешь, то надежней в голове приживется!

* * *

Господь создавал браславский край с любовью и тщанием. Зеркало небес сотворил, не иначе. Куда ни кинь взгляд – всюду водная гладь да леса, огромные, что не охватить взором, озера, и озерки, и речушки. Все это великолепиие – между пологих холмов, превращенных трудолюбивым народом в поля и делянки. И зверья полно, и птицы. А от ягод и грибов, бывают года, проходу нету: растут везде, чуть ли не в огороде.

Благословенная земля. И чего, кажется, не жить на ней в мире и достатке? Всем всего хватает, лови, паши, собирай, да заготовливай, как говорится, от пуза.

Но нет. По виду только – рай. Выжить среди всего этого счастья ой как не просто.

Ошибок тут не прощают. При всей гостеприимности и кажущейся простоте, граничащей с наивностью, народ на Браславах сложный, если не сказать суровый. Шутка ли дело, тысяче-

летиями бились за эти райские кущи охочие истребить местных и поселиться тут, во все века хватало. Буйных и дерзких вырезали первыми, вот и выжили те, кто по виду невзрачен, по словам не скор, кто добро и обиду запоминает крепко и навсегда.

Народ здесь умеет ждать, чтоб помочь в трудную годину и отдать последнее выручившему. Но и зло против обидчика выращивает в себе долго и бережно. Подвернись удобная минутка, когда все сошлось для форта, не промедлит: воткнет острый рыбацкий нож в горло на лесной тропе или искру высечет так, чтоб ветер донес огонь прямо на подворье обидчика.

Так тут сложилось испокон веков: своим не особо доверяют, а уж чужакам и подавно. Другое дело семья, нет в ней тайн друг от друга, жизнь готовы положить за родича, без сомнений и долгих раздумий. Потому и выжили, что в ней сила. В родине. РодИна, старики до сих пор так говорят, подразумевая семью. Слово это гораздо древнее, чем думается. Потому за свою родину, за семью, своей жизнью в этом Богом данном раю дорожить не принято.

... Пан Еленский сильно сдал в последние полтора года. Сам не думал, что доживет до этой зимы. Твердая и уверенная походка неожиданно для самого старика вдруг разболталась, как говорил сам, в ногах не было прежней уверенности. Когда к потерям равновесия прибавилось дрожание правой культы и легкое подергивание головы, пан Адам стал собираться в Бувещину, на погост, туда, где находился семейный склеп Еленских.

Наверное, поэтому, чувствуя приближение неминуемой развязки, двенадцатилетие Мишки решил отпраздновать небольшим банкетом, что было странно для отшельника.

Если бы не яростные и велеречивые уговоры Мишки, превратившегося из сопливого оборвыша в настоящего панича, то не бывать бы этому сборищу. Но Мишка чуть на колени не падал. И суровый Стась, который сдался последним, изрек солидно:

– Ладно, твоя взяла, не реви, именинник, зальешь свою шелковую рубаху, ценная вещь, жалко.

– И то правда! – широко улыбнулся легкий характером Сергей. – Хоть пожрем! А там, глядишь, раскинем партеечку в вист, – подмигнул шальным глазом, – от пары проигранных рублишек у пана Адама не убудет.

Софья тут же вскинулась:

– Чтоб не смел мне! А то слухи всякие ходят. Не к лицу Вашкевичам шулерами быть! Думаешь, не знаю про твои ночные посиделки в дисненском постоялом дворе? Откуда мешок сахара? И сапожки Ганне? А? Не скажешь? А люди все видят!

– Оп-па! Собаки лают, ветер носит! Донеслось уже... То не мошенничество было, а форт! Против форта не попрешь! А сахар, и все такое – подарки, от всего сыновьего сердца. Ма, ну прет мне в карты, что теперь делать?

– Не играть. Не будет и переть, – хмуро заметил Стась, с упоением драивший еще отцовские выходные сапоги, пришедшиеся ему так вовремя в пору.

– Правильно заметил. Коли не играть, то счастье игроцкое к другому уйдет. А нам такое не по вкусу!

– Посидели бы дома, семьей. Как люди. Я пирог испекла.

– Нет! Это я испекла! Ты только подсказывала! – надула пухлые губенки Ганна.

Мишка выглянул в окно, вскинулся.

– Хватит обсуждать уже решенное! Вон сани от пана Адама приехали. Грузим пирог и – вперед! На баррикады!

– Куда? – цыкнул сквозь зубы Сергей, нащупывая в кармане привычную карточную колоду. Но тут же осекся под цепким особым взглядом Стася: есть серьезное дело, говорить о котором надо только наедине.

– Пора. Самое время, – тихо и как-то безжизненно произнес Стась, долго и пристально всматриваясь в глаза Сергея, как бы давая понять «ну, ты знаешь, о чем я».

– Понял. Ну, время, так время, – вмиг посерьезнел балагур. Решительно выдохнул, словно бросаясь в холодную прорубь, чуть ли не прохрипел, демонстрируя на этот раз показную радость, приобнял Мишку.

– Ну что, братишка. Вот ты и взрослый. Будет тебе подарочек от нас. Братский. Пора. Поехали!

Мишка, находившийся в легкой эйфории от предстоящего события, не обратил внимания на странные интонации, хлопнул старшего брата по плечу:

– А то!

Софья, молча наблюдавшая странный спектакль, сглотнула неожиданно подкативший к горлу комок: материнское сердце вмиг почувало недоброе. Вспомнила про пирог, про томившиеся в кастрюле бульбешники с грибами, засутилась, заворачивая горячую снедь в толстый пуховый платок. Гнала от себя плохие мысли. Подумаешь о плохом, и вот оно, на пороге. Взрослые, разберутся. Свои головы на плечах повыврастали.

... Огромный дубовый стол на львиных лапах, казалось, сиял от надраенного по случаю серебра и изобилия разнообразных угощений.

Посредине на длинном кузнецовском блюде застыл фаршированный судак, обложенный дольками лимона, словно золотой чешуей. Рядом примостились блюдечки с соленой щучьей икрой, заливным из лосиной губы. И это лишь только то, что сразу бросалось в глаза.

Пирожки с зайчатиной и капустой, половинки яиц с рублеными белыми грибами с жареным луком, щедрые ломти севренного окорока, печеная курица, копченый угорь, слабосоленый снеток, истекающий мелкими капельками жира, паштет из печени дикого гуся, огурцы с листьях хрена. Все было оформлено по высшему дворянскому разряду, так, как испокон веков привыкли угощать на пирах хлебосольные литвины, к коим имел честь причислять себя пан Еленский.

Заметив оторопь заробевшего семейства, пан Адам тактично заметил:

– Прошу не смущаться, это первый мой прием за почти пятьдесят лет, захотелось вспомнить, как это бывало в прежние времена. Садитесь. Нет-нет, пан Михаил, вы во главе стола, в качестве виновника торжества.

– Назвался груздем, полезай в кузов, – Сергей решительно подвинул к себе стул и плюхнулся со всего маху на потрескавшуюся от времени кожаную с тиснением обивку.

Прислуга в лице горничной Адели и ее мужа Марьяна только носом повела: странную себе компанию выбрал благородный хозяин. Но панское дело – не мужицкая забота, хозяин всегда был с причудой, чего уж удивляться теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.